

Ю. С. СТЕПАНОВ

О ЗАВИСИМОСТИ ПОНЯТИЯ ФОНЕМЫ ОТ ПОНЯТИЯ СЛОГА ПРИ СИНХРОННОМ ОПИСАНИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Наиболее общим определением фонемы, подходящим, с теми или иными частными изменениями, к разным фонемным теориям, является определение ее как кратчайшей части, или единицы, в фонологической оппозиции слов или морфем. Определенная таким образом фонема может соответствовать в наблюдаемой речевой цепи отрезкам разной протяженности — кратчайшему звуку речи, не кратчайшему звуку речи — дифтонгу или аффрикате, наконец, слогу. В этом ряду понятий, разумеется, лишено смысла утверждение, что понятие фонемы может зависеть от понятия слога. Проблема, которую мы собираемся поставить, заключается совсем в другом.

Общеизвестно, что фонетическая система одного и того же языка в один и тот же момент времени нередко допускает несколько различных фонемных «решений». Возможность нескольких фонемных решений сама уже не может быть объяснена в терминах фонологических оппозиций слов и морфем. В таком случае возникает задача выявить ту объективную основу, которая остается незатронутой и неизменной при различных фонемных описаниях и которая позволяет судить о большей или меньшей адекватности каждого из них. Такова суть поставленной проблемы.

Уже из заголовка ясно, на каком пути мы намерены искать ее разрешения: мы полагаем, что такой объективной основой выступает слоговая организация языка. Если результатом фонемного анализа являются фонемы, единицы кратчайшие и одновременно абстрактные, продукт п р е д е л ь н о й сегментации речевого потока, то при возможности нескольких различных фонемных анализов одного и того же языка мы должны выйти за рамки системы фонем и рассмотреть систему слогов, единиц более конкретных и в подавляющем большинстве случаев более протяженных, чем фонемы, результат н е п р е д е л ь н о г о разложения речевого потока.

Предлагаемое разрешение проблемы является чисто теоретическим. Практически может оказаться, а в большинстве случаев в действительности и оказывается, что система слогов известна исследователю хуже, чем система фонем. Но принципиально это не меняет существа дела — обоснованного предположения, что именно система слогов объективно определяет фонемные решения, а не наоборот. Нашей задачей является показать принципиальную зависимость между тем и другим, притом зависимость однонаправленную, и по возможности выявить степень этой зависимости, а вовсе не настаивать на том или ином решении применительно к тому или иному отдельному языку. В дальнейшем в этой статье мы будем исходить из допущения (впрочем, каждый раз более или менее обоснованного), что нам известны принципы слогоделения и система слогов во всех обсуждаемых случаях. Начнем с краткой истории вопроса, кото-

рая покажет различие двух принципов описания — предельного (дискретного) и неопредельного (недискретного) разложения.

1. В лингвистике последних десятилетий господствовало убеждение, что язык можно описать наилучшим образом, если за основу будут приняты элементарные, предельные сущности, из которых дедуктивным путем, через комбинации, оппозиции или трансформации, будут выводиться все остальные сущности. Убеждение это заходило так далеко, что даже слог, явление артикуляторное и просодическое, полагали возможным описывать в фонологических терминах. Например, Л. Ельмслев считал, что в целях построения общей абстрактной теории отношения между ударением и слогом должны быть «перевернуты»: «ударение» (accent) и «модуляцию» следует рассматривать как первичные категории, а слог — как производное от ударения, как такой минимальный сегмент, который характеризуется ударением¹. «Ударение» же в системе Ельмслева является предельной единицей абстрактного уровня, «кенемой», как и фонема. Н. С. Трубецкой рассматривал все просодические признаки, включая слоговоеделение, как один из видов фонологических оппозиций. Слог определялся им, как и у Ельмслева, в качестве производного от более абстрактных фонологических понятий — от понятия оппозиции или от понятия гласного («сам же слог ни при каких обстоятельствах не может служить базой для определения гласного»)².

Однако, с другой стороны, в последние полтора десятилетия появились и все более давали себя знать противоположные тенденции — отказ от предельных, дискретных и абстрактных единиц как основы лингвистического описания. Например, в исследованиях по реконструкции лингвисты все чаще предпочитали пользоваться более конкретным, чем фонема, понятием «звукотипа»³. Это понятие, как известно, стало применяться и в так называемой «порождающей фонологии», которая оперирует не «фонемами», а «звукотипами», характеризуемыми в дихотомических признаках (гласный, согласный, компактный, диффузный, низкий, дизный и т. д.). Усиливалось внимание к просодическим явлениям, не укладывавшимся в рамки предельных кратчайших единиц⁴. Были сделаны и попытки осмыслить это фактическое положение дел как проявление общего «недискретного принципа» лингвистического описания. В американской лингвистической школе еще в 40-е годы этот принцип был намечен в начальной форме З. Харрисом⁵, но все же за тем, по-видимому, заброшен. Несколькими позже, и уже более обобщенно, он был сформулирован в женеvской школе А. Фреем⁶. Как общий фонетический принцип он получил развитие в английской лингвистике в работах Дж. Ферса, Р. Робинса, Ф. Палмера и др.⁷. В советской лингвистике недискретный принцип

¹ L. H e l m s l e v, Accent, intonation, quantité, «Studi baltici», 6, 1936 — 1937, стр. 7, 19.

² Н. С. Т р у б е ц к о й, Основы фонологии, М., 1960, стр. 210. Из более новых исследований в том же направлении см. интересную работу: В. И. П о с т о в а л о в а, Фонологическая структура слога (к методике описания). АКД, М., 1967, где фактически исследуется не слог, а абстрактная модель слога.

³ Ср., например: И. Г. М и л о с л а в с к и й, История правил сочетаемости согласных звуков в русском языке. АКД, М., 1966.

⁴ Ср. интересную просодическую трактовку ряда фактов в работе: С. Д. К а п н е л ь с о н, Сравнительная акцентология германских языков, М. — Л., 1966, стр. 84 — 85; 213.

⁵ Z. S. H a r r i s, Simultaneous components in phonology, «Language», 20, 1944, стр. 181 — 205 (позднее включено в его книгу «Methods in structural linguistics», Chicago, 1951, стр. 132).

⁶ H. F r e i, Langue, parole et différenciation, «Journal de psychologie normale et pathologique», avril — juin, 1952, стр. 137 — 157 (перепечатано в кн. «A Geneva school reader in linguistics», ed. by R. Godel, Bloomington — London, 1969, стр. 278 — 300).

⁷ См. сб. «Prosodic analysis», ed. by F. R. Palmer, London, 1970.

развивался как в применении к реконструкции, В. В. Мартыновым⁸, так и в других отношениях⁹.

Следует отметить и особую, как бы срединную, тенденцию: признание элементов более крупных, чем предельные единицы-фонемы, но одновременно трактовку этих непредельных единиц как фонем; таким путем возникает понятие «группофонем» или «силлабофонем»¹⁰.

II. В свете общего недискретного принципа мы рассматриваем слог как основную конкретную антропофоническую единицу и определяем понятие слога независимо от фонологических понятий, антропоцентрически, с позиции говорящего человека. Слоги — минимальные единицы, на которые возможно разделить речь паузами. Слоги — естественное деление речи, основанное на организации дыхания в процессе речи¹¹. Однако слоговое деление подчинено также специфическим законам каждого языка, и поэтому даже при одинаковой последовательности гласных и согласных может быть в разных языках различным. Легко заметить, что в нашем определении слог определяется не изнутри, а извне, как отрезок между паузами; в сущности определяется не слог, а слоговое деление. Для цели, поставленной в настоящей статье, не требуется никакого иного, более «точного» определения слога. (И тем более не требуется определения посредством инструментальных данных. Специальный прибор или машина в теоретической лингвистике нужны лишь для того, чтобы точнее установить, что в действительности слышит человеческое ухо там, где оно слышит нечто, например паузу слогораздела. Но они вполне бесполезны там, где нормальное человеческое ухо не слышит ничего; в таких случаях инструментальные данные не имеют отношения к лингвистике.) Данное определение соответствует тому, как в действительности поступают фонологи: например, в системе Р. И. Аванесова слогораздел определяется при скандированном произношении.

Такие явления, как дизность (палатализация) или бемольность (веляризация или лабиовеляризация) несомненно принадлежат слогу в целом. В простейшем виде, как непосредственная данность, они могут быть продемонстрированы на открытом слоге: *ki* — дизный, *ku* — бемольный. Когда в процессе описания языка переходят от слога к более абстрактным дискретным единицам, фонемам, то возникают три теоретические возможности. Во-первых, признак дизности (или, соответственно, бемольности) можно отнести одновременно и к гласному, и к согласному, продублировав его в обеих фонемах. Но так не поступают ни в одной фонологической теории: описание стало бы явно избыточным. Во-вторых, признак дизности (бемольности) можно отнести к согласному,

⁸ В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968.

⁹ Ю. С. Степанов, Лексико-семантическая система языка в освещении недискретной лингвистики, «Лексико-семантическая система языка и методы ее исследования. Тезисы конференции, МГПИИЯ им. М. Тореца», М., 1971; е го же, Ударение и метатония в литовском глаголе, «Baltistica. I Priedas», 1972.

¹⁰ Р. И. Аванесов, Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*, «Вестник МГУ», 1947, 1, перепечатано в кн.: А. А. Реформатский, Из истории отечественной фонологии, М., 1970, стр. 278—299; В. К. Журавлев, Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. (Докл. на V Международном съезде славистов). Минск, 1963; е го же, Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. АДД, М., 1965; е го же, Группофонема как основная фонологическая единица, «Исследования по фонологии», М., 1966; ср. из новых работ: J. B. N o s s e r g, The syllable in phonological theory, «Language», 48, 3, 1972; J. J. S p a, A propos du trait phonologique «syllabique», «Linguistics», 103, 1973.

¹¹ Ср.: Н. И. Жинкин, Механизмы речи, М., 1958, стр. 180 и др.; Л. В. Златоустова, Фонетические единицы русской речи (экспериментальное исследование). АДД, М., 1970.

тогда гласный будет свободен как от дизности, так и от бемольности и останется одним и тем же в обоих случаях. В-третьих, признак дизности (бемольности) может быть отнесен к гласному, и тогда одним и тем же, беспризнаковым окажется согласный (см. табл. 1).

Теоретически оба способа представления фонемной системы одинаково возможны. Эту возможность обнаруживает, например, современный русский язык. Наиболее распространенное описание фонем русского языка дается в основном в терминах московской фонологической школы. При этом, как известно, выделяются коррелятивные ряды твердых и мягких парных согласных, гласные же не имеют коррелятивных рядов (и, э, а, о, у). Звуки [ы] и [и] расцениваются как варианты одной и той же фонемы [и]. Это описание на основе первого из названных способов.

Т. Р. Вийтсо представил интересный опыт описания фонемной системы современного русского языка на основе второго способа¹². Он выделяет один ряд согласных (твердый), а в гласных устанавливает два коррелятивных ряда, соотносительных по признаку переднего — заднего ряда: задние — а, и, о, у (или $\dot{i}$ — в ударном слове), передние — $\ddot{a}$, $\ddot{y}$, $\ddot{o}$, $\ddot{i}$, е (или е — $\dot{e}$ — е — в ударном слове). Система Т. Р. Вийтсо не лишена некоторых противоречий, но они относятся скорее к морфологическим последствиям этого фонемного представления, чем к самому фонемному представлению. Так, форму типа *гвозди*, мн. ч. от *гвоздь*, естественно представить в этой системе как [gvozdjy], где [j] — фонема или однофонемная морфема. Но такому представлению мешает утверждение, что сочетание *ji* — а значит и *iy* — дает на поверхностном уровне сочетания типа *полюёт, оладьи*, но не сочетания типа *полёт, гвозди*. Если же представить форму *гвозди* как [gvozdɪ], то мы получаем две различные морфемы мн. числа: одну в случае *гвоздь* — *гвозди*, другую в случае *дрозд* — *дрозды*, что, как известно, является неоправданным усложнением на морфемном уровне. Однако те или иные противоречия имеются во всяком фонемном описании, и в целом система, предложенная Т. Р. Вийтсо, вполне доказывает возможность такого представления для современного русского языка.

Древнерусский язык до эпохи «смягчения полумягких» и «падения редуцированных» (вполне определенно до XI в.) представляет собой иную языковую систему, в которой коррелятивные признаки дизности — бемольности с большей определенностью могут быть отнесены к гласным, а не согласным. Общепринята по крайней мере данная трактовка принципа дизности для звуков [и], [ы], в силу чего эти звуки рассматриваются для этого периода как самостоятельные фонемы, причем корреляция согласных по твердости — мягкости как фонологическая подсистема отсутствует¹³.

Следуя ретроспективно этой логике развития славянской системы, мы должны обнаружить в общеславянском позднего периода такую систему,

Таблица 1

Слог	1-й способ: признаки дизности и бемольности отнесены к согласному	2-й способ: признаки дизности и бемольности отнесены к гласному
Дизный <i>ki</i>	$k' - \dot{i}$	$k - \dot{i}$
Бемольный <i>ku</i>	$k^u - \dot{i}$	$k - \dot{i}^u$ ([ы] или [и])

¹ Знаком $\dot{i}$ обозначен гласный типа русского [ы] в слове *мышь* или испанского [U] в слове *тиу* — краткое неогубленное [и] или очень заднее [ы]

¹² Т. Р. В и й т с о, Об одной возможности описания фонологии русского языка, «Уч. зап. [Тартуск. гос. ун-та]», 139 («Труды по русской и славянской фонологии», VI), 1963, стр. 405—409.

¹³ См.: Р. И. А в а н е с о в, указ. соч., стр. 284—291; В. В. И в а н о в, Историческая фонология русского языка, М., 1968, стр. 182, 328.

которая однозначно соответствует второму способу описания. Это, как известно, и сделано Ф. Марешом. Он приходит к выводу, что последовательное проведение различия по заднему — переднему тембру создало без остатка (*beze zbytku*) два ряда гласных — велярных и палатальных. Тем самым возникло определенное отношение между гласными, с одной стороны, и согласными и сонантами — с другой: те из них, которые были одинаковы по месту образования (изотопны), а также фонологически (темброво) параллельны с гласными, т. е. велярные и *j*, составили одну группу, остальные другую. При этой изотопности легко осуществляется ассимиляция, особенно когда у негласных фонем палатальный ряд не заполнен. Ассимиляция проходит всегда в направлении к признаковости, т. е. к палатализации¹⁴. В свете этой системы легко объясняются первая и вторая палатализации, а по мнению Д. Мареша, также и перегласовка *o > e* (*togo : jogo > jego*).

III. Теперь можно поставить более общий вопрос: в каких случаях следует предпочесть первое, а в каких второе решение? Почему (если не считать достаточной причиной орфографическую традицию) для современного русского языка предпочитается первое представление (признаки дизности и бемольности отнесены к согласным), а для праславянского многие авторы избирают второе (те же признаки относятся к гласным)?

Можно предположить, что существуют два объективных основания разной степени общности, причем как то, так и другое связаны с организацией слоговой системы анализируемого языка.

Первое основание заключается в степени аккомодации в пределах слога в данном языке. Под аккомодацией вообще мы понимаем уподобление друг другу гласного и согласного, соседствующих в речевой цепи. Языки со слабой аккомодацией в пределах слога естественно позволяют легко разорвать признак дизности (бемольности), определенно отнести его в одних случаях к гласному, в других случаях к согласному. Французский язык является примером языка со слабой аккомодацией, где признак дизности определенно относим к гласному. В этом языке можно установить два коррелятивных ряда гласных:

дизный ряд: *i, e (é), à (patte), o, ø, ü*

недизный ряд: *-, e (è), a (pâte), o, œ, u.*

Согласные же во французском не имеют коррелятивных рядов. [Заметим, что, поскольку мы исходим из взаимодействия гласных и согласных, то термины «низкий — высокий», «компактный — диффузный», «бемольный — дизный», выражающие различные содержания в дихотомической фонологии, для нас являются синонимами (т. е., например, «низкий» синонимично «компактный», «бемольный»). В совокупности они содержательно раскрывают значение термина «аккомодация».] Следует подчеркнуть, что речь должна идти именно об аккомодации в пределах слога. Так, литовский язык — язык вообще с очень сильной аккомодацией, ср. литов. *Vingis, Vingis* [v'ín'g'is], то же слово в русском произношении [vín'g'is]; русск. *в Паланге* [фпалáнг'e], то же в литовском произношении [фпалáн'g'e]. Однако в пределах слога литовская аккомодация менее сильна и менее единообразна, чем в русском (что завуалировано особенностями литовской графики — ее единообразием). Ср.: задненебный *kiu* [k'ý] — полная аккомодация; зубной *tiu* [t'ý] — неполная аккомодация, глайд;

¹⁴ F. V. Mareš, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia», 25, 4, 1956, стр. 450—451. Ранее соответствующие идеи высказывались А. А. Шахматовым (1915), Р. Яковсоном (1929), Н. Ван-Вейком (1950). Дальнейшее развитие см. в указанных работах В. К. Журавлева и В. В. Мартынова.

губной *riu* [p'ju] — снятие аккомодации благодаря превращению глайда в согласный.

Эти особенности литовской аккомодации не позволяют, с нашей точки зрения, устанавливать последовательные коррелятивные ряды твердых и мягких согласных фонем в литовском языке. Примером языка с сильной аккомодацией является русский. Именно это обстоятельство является той общей причиной, которая обуславливает в нем возможность двух различных фонемных решений. Все сказанное дальше относится прежде всего к языкам с сильной слоговой аккомодацией. Вопрос о том, насколько те же положения применимы к языкам со слабой аккомодацией, мы сейчас оставляем открытым.

Однако и древнерусский, и старославянский, и праславянский также являются, несомненно, языками с сильной слоговой аккомодацией, и тем не менее для них при тех же двух возможностях предпочтительнее второе решение, в то время как для современного русского предпочтительнее первое. Очевидно, что сильная аккомодация обуславливает лишь возможность обоих решений, но выбор одного из них должен быть обоснован иными факторами. Необходимо, следовательно, искать второе, более частное основание.

Искомое в т о р о е о с н о в а н и е можно, как мы полагаем, сформулировать в следующем виде: для аккомодирующего языка с тенденцией к закрытым слогам должен быть предпочтен первый способ (два коррелятивных ряда согласных при одном ряде гласных), для аккомодирующего языка с тенденцией к открытым слогам — второй способ (один ряд согласных при двух коррелятивных рядах гласных). Праславянский — язык с почти безраздельно господствующей тенденцией к открытым слогам, древнерусский — язык с еще сильно выраженной тенденцией к открытым слогам, но с заметным переходом к иной тенденции, современный русский — язык с более сильной тенденцией к закрытым слогам. Этими различиями и должен быть объяснен выбор различных фонемных решений. При общем условии аккомодации, гласный, находясь между согласными, т. е. в закрытом слоге, находится тем самым в несвободной позиции и его признаки обусловлены консонантным окружением, и этим объясняется выбор первого решения. В открытых слогах гласный находится в более свободной позиции, и этим объясняется выбор второго решения.

Теоретически предположенные здесь два решения фактически с одинаковым успехом применяются при описании таких языков, как аранта, лакский и, возможно, также в равной мере применимы к абхазскому¹⁵. Во всех случаях выделяется либо один неопределенный гласный [ə] с его основными вариантами — дизным и бемольным, либо три гласные фонемы. А. Мартине указал на типологический параллелизм общеславянского и французского в этом отношении¹⁶. В кашмири, по данным Д. И. Эдельман, три типа согласных (простой — палатализованный — лабиализованный) охватывают все локальные ряды согласных, кроме лабиальных, не принимающих лабиализации, и палатальных, не принимающих палатализации¹⁷. Вместе с тем отмечается тенденция к открытым слогам. Можно, следовательно, предполагать, что для кашмири окажутся одинаково адекватными оба способа фонемного представления.

Таким образом, установление двух коррелятивных рядов гласных, ди-

¹⁵ Дискуссию см.: М. А. К у м а х о в, Теория моновокализма и западнокавказские языки, ВЯ, 1973, 6.

¹⁶ A. Martinet, Langues à syllabes ouvertes: le cas du slave commun, ZfPh, 6, 1952.

¹⁷ Д. И. Э д е л ь м а н, К типологии индоевропейских гуттуральных, ИАН ОЛЯ, 1973, 6.

езного и бемольного, при одном ряде согласных может быть обусловлено двумя различными факторами — либо тем, что данный язык имеет слабую слоговую аккомодацию (как современный французский), либо тем, что язык имеет сильную слоговую аккомодацию, но при этом в нем действует тенденция к открытым слогам (таково положение в праславянском языке).

IV. Выше мы рассмотрели лишь две слоговые черты — дизезность и бемольность (а говоря точнее, даже одну — дизезность, так как для простоты мы отождествляли бемольность с недизезностью, что допустимо лишь в самом первом приближении). Теперь следует расширить проблему также и в смысле материала и поставить следующий вопрос: какие еще слоговые черты допускают аналогичную двойственную трактовку при фонемных решениях?

Прежде всего, очевидно, сюда следует причислить ларингализацию в ее разных конкретно-языковых проявлениях (аспирация, абруптивность согласных; ларингализация, «скрипучесть» гласных и т. д.). Аспирация («придыхание»), как показал Дж. Ферс, допускает, как и признаки дизезности — бемольности в нашем понимании, суперсегментную трактовку. Ей объективно соответствует передача «придыхания» разным частям слога и даже слова в целом. Например, в восточном хиндустани (в тщательном произношении) *rahyle*, в западном хиндустани (в быстром произношении) *rayhle*, в пенджаби *pâylye*¹⁸. Другими примерами того же процесса могут быть произношение в американском просторечии слов с начальной группой *wh-* как [hw]: *where* [hweə] и т. п., а также перенос придыхания в древнегреческом, ср. *ταχ-/θακ-* (*ταχ-/thak-*): *ταχὺς* — *θάττων*.

Далее сюда же следует отнести фарингализацию с ее столь же разнообразными частными проявлениями, такими, как «гортанная смычка» (glottal stop) и другими.

Наконец, все вообще сонантические явления допускают, по-видимому, такую же суперсегментную, слоговую трактовку с вытекающей из нее возможностью двояких фонемных решений.

Попытаемся представить этот материал в некоторой системе, уточнив предварительно понятие «нейтрального слога», по отношению к которому оценивается дизезность, бемольность, аспирация и т. д. Выше мы рассматривали дизезность как явление, тождественное палатализации, а бемольность как явление, тождественное веларизации или лабиовеларизации.

Таким образом, мы исходили по существу из оценки дизезности и бемольности относительно некоторого типа слога, принимаемого за нейтральный. В общем виде гласный такого слога может быть представлен либо как ненапряженное среднее [a], как в русском *сад*, либо как любой гласный среднего ряда: английское [ə], упомянутое выше [ɪ]. Дизезность и бемольность мы рассматриваем как повышение или понижение по отношению ко всей зоне {[a], [ə], [ɪ]}, принимаемой в целом за нейтральную. (Это необходимо иметь в виду, так как иногда дизезность и бемольность расцениваются как качества слогов соответственно: [ki] — [kɪ], русских [ки] — [кы], или также [кю] — [ку] в их отношении друг к другу.)

Однако разные типы согласных тяготеют к разным частям внутри этой зоны: естественным нейтральным слогом для губных будет /pɪ/, для зубных /tə/, для веларных /ka/. Причины этого лежат в соответствии друг другу собственных частот [p] и [ɪ], [t] и [ə], [k] и [a]¹⁹. Это уточнение

¹⁸ J. R. Firth, *Sounds and prosodies* (1948), «Prosodic analysis», стр. 16.

¹⁹ См.: E. Fischer-Jørgensen, *What can the new techniques of acoustic phonetics contribute to linguistics?* (1958), «Psycholinguistics. A book of readings», ed. by Sol Saporta, New York, 1961, стр. 137; Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, Введение в анализ речи, «Новое в лингвистике», 2, М., 1962, стр. 192; Л. В. Златовустова, Фонетические единицы русской речи, стр. 10—11.

Таблица 2

Дискретные фонемы нача- ла слога	Недискретные (просодические) характеристики слога			
	нейтраль- ность	дизеизность (па- латализация)	бемольность (лабиовеляри- зация)	ларингали- зация
Губной [p]	[i] <i>pf</i>	[i] ¹ <i>pi</i>	[u] ¹ <i>pu</i>	[h] ¹ <i>ph</i>
Зубной [t]	[ə] <i>tə</i>	[i] ² <i>ti</i>	[u] ² <i>tu</i>	[h] ² <i>th</i>
Велярный [k]	[a] <i>ka</i>	[i] ³ <i>ki</i>	[u] ³ <i>ku</i>	[h] ³ <i>kh</i>

необходимо для более развернутого представления, которое может быть предложено в виде типологической таблицы (см. табл. 2).

Подобно тому, как зона нейтральности включает в себя три разновидности, те же различия соответственно должны иметься в зонах дизеизности, бемольности и ларингальности. На схеме они обозначены цифровыми индексами. Так, например, аспирация («придыхание») может принять три разные формы: у губных $ph^1 > pf > f$, у зубных $th^2 > t\theta > \theta$, у велярных $kh^3 > k\chi > \chi$. Германское передвижение согласных, по-видимому, включает в себя три эти разновидности²⁰.

Для представления слоговых просодических явлений в полной системе необходимо иметь в виду еще следующее обстоятельство. Палатализация есть просодическое явление, вызывающее дизеизность всего слога, но может существовать и отдельная фонема, воплощающая качество палатализации в дискретном виде — /j/. Точно так же, наряду с лабиовеляризацией как просодическим явлением, ведущим к бемольности слога, может существовать дискретная лабиовелярная фонема /ʁ/ (она представлена, например, в праславянском и древнерусском, ср. литов. *ādra* — русск. *вѣдра*, русские чередования *отец* — *вотчина* и т. п.). Таким же образом обстоит дело, по-видимому, со всеми сонантическими явлениями. Особенное внимание следует обратить на этот третий, дискретный, аспект в связи с ларингальностью. С одной стороны ларингальность — это просодическое явление, которое, как и все явления, рассматриваемые нами в этой системе, может быть фонологически отнесено либо к гласному, либо к согласному (два фонемных решения); с другой стороны, может существовать отдельная дискретная ларингальная фонема (или, возможно, несколько ларингальных фонем). Недостаточным разграничением этих трех реализаций ларингальности, несомненно, частично объясняется запутанность ларингальной теории в индоевропейском языкознании.

Анализ фарингальности и других сонантических явлений, который может быть проведен таким же образом, мы оставляем до другого случая.

V. С точки зрения сказанного удается в простой форме изложить известный дискуссионный вопрос о реконструкции ларингальных и гласных в протоиндоевропейском. Существующие по этому вопросу мнения можно сгруппировать в две наиболее общие гипотезы: а) протоиндоевропейский обладал тремя ларингальными $\mathfrak{a}_1$, $\mathfrak{a}_2$, $\mathfrak{a}_3$ и одним гласным, который условно обозначим как a^{21} ; б) протоиндоевропейский обладал одним ларингальным $\mathfrak{a}$ и тремя гласными — e , o , a . Представим исходные

²⁰ О возможном соотношении трех хеттских ларингальных и трех и.-е. гуттуральных ($h - h' - h''$; $k - k' - k''$) см.: Т. В. Гамкрелидзе, Хеттский язык и ларингальная теория, «Труды Ин-та языкознания [АН ГрузССР]», III. Серия восточных языков, 1960, стр. 89—90.

²¹ Заметим, что вслед за Э. Бенвенистом более принято обозначение e . Ларингальный $\mathfrak{a}$ может быть обозначен также через h , как в табл. 2.

данные каждой гипотезы не в фонемной, а в слоговой форме:

1-я гипотеза 2-я гипотеза

$\partial_1 a$

∂e

$\partial_2 a$

∂a

$\partial_3 a$

∂o

Нетрудно видеть, что здесь мы имеем дело с разновидностью той же самой ситуации, которая была описана выше (см. табл. 1). Имеется три типа слогов с общим слоговым просодическим признаком ларингальности: один нейтральный — ∂a или $\partial_2 a$, один дизный — ∂e или $\partial_1 a$, один бемольный — ∂o или $\partial_3 a$. Фонематически каждый может быть расчленен двумя способами. Здесь, как и в славянской ситуации, любое из двух решений теоретически возможно. Но перевес одному из них дают соображения о характере слогов протоиндоевропейского. Будем исходить из того, что индоевропейский — аккомодирующий язык ²². Если это был аккомодирующий язык с тенденцией к закрытым слогам, нужно предпочесть первое решение. Если в этом языке преобладала тенденция к открытым слогам, то следует предпочесть второе решение. Обратимся теперь к проблеме структуры слога в индоевропейском.

Основной и прочно установленной категорией реконструкции индоевропейского является корень (соответственно основа и аффикс) — единица морфологическая. Слог исследовался в плане реконструкции несравненно меньше. Можно указать лишь несколько работ последних десятилетий, в которых эта проблема специально рассматривалась ²³. Как ни скудны наличные материалы, они, однако, позволяют с несомненностью заключить, что слоговая структура индоевропейского слова на разных стадиях индоевропейского периода (пра-, прото-, общиндоевропейский) менялась. Структура же корня для всего этого периода является, по самому определению корня, постоянной величиной. Центром всей проблемы оказывается, таким образом, вопрос об отношении структуры корня к структуре слога.

Можно указать две точки зрения на эти противоречивые отношения между корнем и слогом. Рассмотрим первую из них. На последовательных этапах индоевропейского происходит изменение состава слова в сторону его расширения (нефлективное слово; далее флективное слово с основой, равной корню; затем флективное слово с основой, усложненной аффиксами и т. д.). Количество слогов в основе увеличивается, и это приводит к некоторому сдвигу структуры слога, но центральная часть слова — корень сохраняет стабильную слоговую структуру, она лишь как бы «уплотняется», включая в себя в силу переразложения элементы, отходящие к ней от аффиксов. Наиболее последовательно эта точка зрения развита К. Боргстромом в указанной работе (1954). Отсюда следует вывод, что можно однозначно реконструировать слоговую структуру корня точно так же, как однозначно реконструируется (за известными исключениями) корень как морфологическая единица. Реконструкция К. Боргстрема такова: на ранней стадии протоиндоевропейского те элементы, которые для более поздних стадий выделяются как корни и первичные основы (корни с детерминативами), были односложными словами; в последующем добавление мор-

²² См.: В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков [Тезисы докладов Научной сессии]», М., 1964, стр. 80—82.

²³ К. A m m e r, Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur, «Die Sprache», II, 2, 1952; W. P. L e h m a n n, Proto-Indo-European phonology, Austin (Texas), 1952; С. Н. J. B o r g s t r ö m, Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms, «Words», X, 2—3, 1954; В. В. М а р т ы н о в, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968; вопрос также затрагивался в ряде известных работ Е. Куриловича.

фем в некоторых случаях приводило к созданию многосложных слов. Корни и первичные основы имеют слоговую структуру *CVCC* или *CCVC* (возможно, *CCVCC*); при увеличении количества слогов появились структуры *CVCCVCV...*²⁴. Из реконструкции К. Боргстрема следует, что протоиндоевропейский на ранней стадии был языком с закрытыми слогами, на более поздней стадии — языком с тенденцией к открытым слогам, но в результате — поскольку, по К. Боргстрему, состав корня и его слоговая структура одинаково стабильны и соотносятся в общем однозначно, — существуют два основных типа корней соответственно с двумя основными типами слоговых структур.

Эта точка зрения, во многом существенно новая, тем не менее покоится на той же основе, что и взгляды А. Мейе. Корень был для Мейе однозначной величиной по самому определению (это утверждение справедливо и теперь), но слог Мейе мыслил как универсальную единицу. Он писал: «Гласная принадлежит целиком к тому слогу, центр которого она составляет; наоборот, согласная часто делится между двумя слогами, которые она ограничивает. Некоторые языки не допускают иной формы слогов, кроме простейшего типа, где каждая гласная отделена от другой только одною согласною. В индоевропейском — не то. Здесь согласный элемент может быть сложным...»²⁵. Таким образом, в сущности, по Мейе, вообще могут быть слоги только одного типа — закрытые (хотя бы закрывание и ограничивалось лишь начальной фазой — имплозией следующего согласного), разница же между языками может заключаться лишь в том, сколько согласных и какие именно помещаются между гласными, т. е. слоговое деление сводится к морфологии. Эта точка зрения в настоящее время не может быть принята. На этой основе у А. Мейе устанавливаются в общем однозначные отношения между корнем и его слоговой структурой. Точка зрения К. Боргстрема отличается главным образом тем, что разным видам корней ставятся в соответствие разные для каждого вида типы слогов. Но отношение между корнем и слогом у К. Боргстрема остается постоянным. Увеличение числа типов объясняется при этом тенденцией к увеличению числа слогов в слове.

Вторая точка зрения, которую мы здесь формулируем в соответствии с нашими предпосылками, в одной части диаметрально противоположна первой. Корень по-прежнему принимается как неизменная морфологическая единица, но слоговая структура индоевропейского слова в целом, а следовательно, и корня, мыслится как постоянно изменяющаяся. Эта точка зрения имеет следующие основания. Во-первых, мы исходим из того, что слоговое деление, будучи антропоцентрической категорией, тем не менее не является универсально единообразным. Слоговое деление в разных языках может осуществляться по-разному даже при сопоставимых структурах речевых цепей. Ср. русское *а-ктер* (по Р. И. Аванесову) и франц. *ac-teur* (по М. Граммону). Во-вторых, мы исходим из того, что количество слогов в индоевропейском слове остается (статистически) постоянным²⁶. Последнее должно рассматриваться как одно из фундаментальных положений индоевропейских реконструкций. Отсюда может быть сделан единственный вывод. Существует объективное противоречие между двумя группами факторов. Одной группой факторов является постоянство корня как морфологической величины и статистическое постоянство корня как величины, исчисляемой в количестве слогов. Другой группой факторов, находящейся в противоречии с первой, является изменчивость типов

²⁴ С. Н. J. Borgström, указ. соч., стр. 278—279, 282.

²⁵ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 150.

²⁶ См.: С. Г. Чебанов, О подчинении речевых укладов «индоевропейской» группы закону Пуассона, «Доклады Академии наук СССР», 55, 2, 1947.

слогов и типов слогоделения. Это противоречие разрешается непрерывным перераспределением слоговых границ в пределах слова, а следовательно, и корня. Разумеется, в лингвистическом смысле эту непрерывность следует мыслить как явление дискретное, допускающее рассмотрение по этапам.

Так, оба упомянутых фонемных решения соответствуют, по-видимому, двум различным хронологическим этапам реконструкции. Первая гипотеза (тройной ряд ларингальных при одном гласном) скорее всего отвечает древнейшему этапу протоиндоевропейского²⁷. Вторая гипотеза (упрощение рядов ларингальных и увеличение количества гласных) отвечает более позднему этапу. Упрощение тройного ряда гуттуральных (палатализованный — средний — лабиовеляризованный) с утратой либо палатализованного, либо лабиовеляризованного члена может рассматриваться как завершение этого этапа.

В соответствии с общим принципом реконструкции — единством «пространство — время», согласно которому различия в разное время на одной территории тождественны различиям в одно время на разных территориях²⁸, можно предположить, что каждое из двух названных решений соответствует двум различным диалектным ареалам индоевропейского, в одном из которых преобладала тенденция к открытым слогам.

²⁷ Мы, следовательно, в этом отношении, хотя и на других основаниях, присоединяемся к точке зрения К. Аммера. Такую же реконструкцию, но по иным основаниям, принимал и Л. Ельмслев («Accent, intonation, quantité», стр. 43—57).

²⁸ Четкую формулировку этого принципа можно найти, например, в кн.: «Вопросы теории лингвистической географии», под ред. Р. И. Аванесова, М., 1962, стр. 11.